

Научная статья

УДК 81 + 811.161.1.37

DOI 10.17223/18137083/80/18

Диахрония атрибутивной сочетаемости лексемы *клятва* по данным Национального корпуса русского языка

Алевтина Николаевна Сперанская¹
Анастасия Денисовна Баранчикова²

¹ Университет Ланьчжоу
Ланьчжоу, Китай

² Flo Health
Вильнюс, Литва

¹ alsperanskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0712-1337>

² adbaranchikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9062-2599>

Аннотация

Рассмотрена динамика атрибутивных связей существительного *клятва* в текстах XVIII–XXI вв. на материале Национального корпуса русского языка. Произведен статистический и семантический анализ адъективных лексем при слове *клятва*. Количество адъективных распространителей слова *клятва* в текстах XIX в. увеличивается втрое по сравнению с контекстами XVIII в. Тексты XX в. включают 57 разнообразных лексем. Контексты начала XXI в. содержат чуть менее 40 лексем, из которых более половины являются новыми. В текстах XIX–XXI вв. семантика *клятвы* расширялась по мере появления новых вариантов сочетаемости. Атрибутивная сочетаемость показывает, что в семантическом сценарии *клятвы* используемые адъективы характеризуют в первую очередь сам речевой жанр. Кроме этого они детализируют элементы сценария: произнесение, адресанта и содержание, место, срок и количество участников.

Ключевые слова

клятва, диахрония, корпусная лингвистика, атрибутивная сочетаемость, речевой жанр

Для цитирования

Сперанская А. Н., Баранчикова А. Д. Диахрония атрибутивной сочетаемости лексемы *клятва* по данным Национального корпуса русского языка // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 222–233. DOI 10.17223/18137083/80/18

© Сперанская А. Н., Баранчикова А. Д., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 222–233

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 3, pp. 222–233

Dynamics of the attribute connections of the noun *klyatva* ‘an oath’ to the National Corpus of the Russian Language

Alevtina N. Speranskaya¹, Anastasia D. Baranchikova²

¹ Lanzhou University
Lanzhou, China

² Flo Health
Vilnius, Lithuania

¹ alsperanskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0712-1337>

² adbaranchikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9062-2599>

Abstract

The paper investigates the dynamics of the attributive relationships of the word *klyatva* ‘an oath’ in the Russian texts of the 18th – 21st centuries collected in the National Corpus of the Russian Language. The authors performed statistical and semantic analyses of adjective lexemes with the word *klyatva*. The results include the description of the dominating adjective distributors of the word under study as substantive and the semantic fields associated with it. The number of adjective combinations in the texts of the 19th century is threefold higher compared to the texts of the 18th century. In the 20th century, the combinability concerning *klyatva* tended to increase, with contexts containing 57 different lexemes. The contexts of this word under study at the beginning of the 21st-century contain about 40 lexemes, with more than a half being new. However, it is too early to sum up the final results on the quantitative compatibility of the 21st century texts. Every period of Russian language development is characterized by the introduction of new adjectives combined with *klyatva* as substantive. In the texts of the 19th – 21st centuries, the semantics of *klyatva* expanded as new options for compatibility appeared. Attributive compatibility shows that in the semantic scenario of *klyatva*, the adjectives used, first of all, emphasize the speech genre itself. Adjectives enhance the following elements of the scenario: the pronunciation of *klyatva*, its addressee and content, the place, the term, and the number of participants.

Keywords

klyatva ‘an oath’, diachrony, corpus linguistics, attributive compatibility, speech genre

For citation

Speranskaya A. N., Baranchikova A. D. Dynamics of the attribute connections of the noun *klyatva* ‘an oath’ to the National Corpus of the Russian Language. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 222–233. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/80/18

Клятва – речевой жанр, который входит в семантическое поле, или, как пишет Н. Ш. Галлямова, в интенционально-семантическую группу «обещание, клятва», общий смысл которой «взять на себя обязательство сделать что-либо» [Галлямова, 2010, с.18]. Нельзя сказать, что речевые жанры этой группы не изучались (см., например, [Мостафави, Касеми, 2017; Митронов, 2017; Санников, 2017; Чесноков, Чеснокова, 2017; Сиразиева, 2015; Чесноков, 2013; Маслова, 2011]), однако нам интересен не культурологический или прагматический аспект перформативных жанров, а связь лексемы *клятва* с адъективами в русском языке и семантика этих прилагательных. Ситуация, которая выражена субстантивом *клятва*, состоит из нескольких элементов: из двух, как правило, участников – субъекта и адресата, хотя субъект может дать клятву самому себе (*дал себе клятву*); произнесения; темы (*клятва верности, молчания*); содержания (*клятва в том, что ...*) и призна-

ка. Сосредоточив внимание на адъективных атрибутах *клятвы*, мы стремимся описать один из способов выражения лексического параметра слова «клятва».

Сочетаемость слова важна для детализации его семантики. Скрытые, имплицитные смыслы, оттенки смысла, нюансы, которые носитель языка использует рефлекторно, важны при изучении иностранного языка и при глубоком понимании родного, так как сочетаемость создает, по мысли В. А. Успенского, «образную» картину мира, в которой абстрактные существительные представлены своими вещными коннотациями, специфичную для каждого народа [Успенский, 1979, с. 151]. Сочетаемость обнажает скрытый для инокультурного взгляда образ слова. Интересно, что в этом отношении анализ сочетаемости можно сравнить с ассоциативным экспериментом: оба этих метода выявляют «приписываемые» слову коннотации.

Объектом нашего изучения является динамика и объем атрибутивной сочетаемости лексемы *клятва*, включая его падежно-числовую парадигму. Исследование осуществлялось на материале контекстов Национального корпуса русского языка¹. Общая картотека включает 2 824 контекста, представляющих собой помимо адъективной субстантивную и предикативную сочетаемость.

Словарные дефиниции данной лексемы акцентируют внимание на характеристике *торжественная*: «КЛЯТВА, -ы; ж. Торжественное уверение в чём-л., обещание, подкреплённое упоминанием чего-л. священного для того, кто уверяет, обещает. *Дать клятву. Сдерживать клятву. Нарушить клятву.* И клятву верности сдержали Мы в бородинский бой (Лермонтов)*» [БТСРЯ, 2014]. Толкование содержит указание на следующий сценарий клятвы: адресант берёт на себя обязательство, как правило, в устной форме перед адресатом совершить или – реже – не совершать нечто и подкрепляет свое намерение упоминанием чего-то важного для себя (иногда с использованием невербального знака: *Клятву скрепили рукопожатием...* М. Булгаков), что придает акту значимость. Иллюстрации к толкованию содержат минимальный и самый необходимый материал, из которого ясно, что клятву необходимо дать (устно или письменно), ее следует выполнить, однако возможно несоблюдение клятвы. Как видим, клятва оказывается тесно связанной с социальными и психологическими аспектами: полномочия адресанта, его искренность, доверие адресата и пр. (см. описание смыслов, входящих в когнитивную базу говорящих, без которых невозможно успешное осуществление данного коммуникативного акта: [Галлямова, 2010, с. 20]). Все эти аспекты не могли не отразиться в атрибутивных значениях слова *клятва*. Проследим, как менялась сочетаемость данной лексемы с XVIII в. до наших дней.

Иллюстративный материал XVIII в. немногочисленный, адъективы к слову *клятва* в текстах этого периода распределены неравномерно: в шести контекстах использована характеристика *святая, священная*, в трех – *ложная* и в двух – *страшная*. Сочетаемость задает три направления семантики перформативного жанра *клятва*. Первое: его принадлежность к высоким узам, связывающих того, кто произносит клятву, с чем-то важным, сакральным. Второе: необязательное исполнение клятвы, неискренность дающего клятву. Третье: оценка клятвы как содержащей нечто крайнее, опасное и производящей тяжелое впечатление. Кроме этих определений, использованных неоднократно, авторы употребляют следующие: *ужасная, нежная, вечная, торжественная, тщетная, бесконечная, добрая, суетная, родительская, взаимная*. Для характеристики клятвы, таким образом,

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

всего использовано 15 лексем. Отметим «разнонаправленность» характеристик: *ложная – добрая, ужасная – нежная, вечная – тщетная*. Это создает многомерный образ как самой клятвы, так и косвенно того, кто клятву произносит. Отметим, что в адъективной сочетаемости присутствуют участники процесса: в одном случае они названы по признаку родства (*родительская*), в другом – взаимного участия (*взаимная*).

Картина сочетаемости, представленная в текстах XIX в., существенно меняется: количественно и содержательно расширяется лексический состав – около 45 лексем описывают параметры клятвы. Группа адъективов, которые употреблены 2 раза и более, включает 27 лексем. Самым частотным является сочетание *данная клятва* (13 словоупотреблений)². Объясняется это тем, что в текстах этого периода предикативное сочетание *давать / дать клятву* очень частотно: 85 словоупотреблений, что составляет 32 % от общего количества всех глагольных контекстов этого периода.

С большим численным отрывом следуют адъективы *торжественная* (8), *страшная* (7), *святая, священная* (6), *ложная* (6). Как видим, характеристика *святая, священная*, задающая основную коннотацию субстантива *клятва* в текстах XVIII в., сменяется синонимом *торжественный*, одним из значений которого является: «нерушимый, священный. *Торжественная клятва*. *Торжественное обязательство*» [БТСРЯ, 2014]. Данная коннотация по-прежнему остается самой частотной, так как суммарное использование лексем, содержащих сему «нерушимая, исключительная по своей значимости», – 14 словоупотреблений. К данному значению примыкают адъективы *великая* (3), *неразрешимая, ненарушимая, неприкосновенная, надёжная*. В какой-то степени с данным значением связаны адъективы *ужасная* (4), *смертельная, наиужаснейшая*, так как они содержат отсылку к страху нарушить клятву. В этот же семантический ряд входит характеристика *вековая, вечная* (3), которая коррелирует со значением «нерушимость».

Следующая по частотности словоупотреблений сочетаемость – *взаимная, новая и невольная, вынужденная* (по 3). Относительно последней характеристики интересно отметить наличие в русском речевом паремиконе (о термине: [Сперанская, 2011]) понятие «нуженой» клятвы: «Невольная (нуженая) клятва отпускается; Нуженая присяга – не наш грех; Нуженого Бог прощает» [Даль, 1989, с. 655].

В текстах этого периода, содержащихся в национальном корпусе, зафиксирована и *свободная* клятва.

В семантическом сценарии речевого жанра клятвы есть позиция «содержание клятвы», что отражено и в адъективах: *церковная* (3), *евангельская, польская, королевская, гусарская, языческая*, например: *Но не такие были козаки, чтобы поддаться на то: знали они уже, что такое польская клятва* (Н. В. Гоголь. Тарас Бульба). Косвенным образом эти адъективы называют того, кто клянется, его социальную принадлежность – церковник, король и пр. Адъективы *супружеская, брачная, сердечная, любовная* и *любовничья* называют как степень близости между действующими лицами, так и содержание клятвы: *Обыкновенная форма любовничьих клятв, они всегда страсти свои одушевляют до гроба, не любя верить опытам, кои часто доказывают всему миру, что огоньки амура гаснут скорее пороховых ракет на воздухе* (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении... Части 1–2).

² Далее везде в скобках указывается количество контекстов; отсутствие числа означает единичное словоупотребление.

Небольшую группу составляют эмотивные характеристики: *восторженная*, а также *всепокорнейшая*, *всенижайшая*, *вседолжнейшая*, встречающиеся, впрочем, в одном градационном ряду: *Пошли уверения, клятвы, всепокорнейшие, всенижайшие, вседолжнейшие, так что крошечный Зуда едва не задохся от них* (И. И. Лажечников. Ледяной дом).

Оценка клятвы как *обыкновенной, человеческой* определяет некую норму в характеристике данного речевого действия.

Некоторое противопоставление торжественности клятвы содержится в характеристике *земная*. Интересно также словоупотребление *клятва, оправданная опытом*: *...завещание покойного его родителя, заклившего детей своих в Сибири, в сущем еще их младенчестве, чтоб никто из них отнюдь не ходил ко двору. Клятва, опытом его оправданная. Отец мой с бедствиями спознался в самых цветущих летах* (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении... Части 1–2).

Клятва – это, прежде всего, акт говорения, поэтому адъективная сочетаемость предполагает и речевые характеристики: *С чванным покупателем, который важничает, гостинодворец холоден, молчалив и непреклонен в ценах; с суетливым он многословен и, как говорится, рассыпается мелким бесом; с скупым – принимает на себя покорный вид и старается разжалобить его **заунывными клятвами** и уверениями; с беспечным – он господствует и повелевает* (Ф. В. Булгарин. Гостинный двор).

С помощью адъективной сочетаемости может быть описана ситуация, когда клянущемуся нет веры, его возможность выполнить клятву подвергается сомнению и клятва представляется адресату лишённой содержания, пустой: *Граждане обещались заплатить оную; но воины сказали великому князю: «Мы пришли сюда не за тем, чтобы целовать их и слушать **пустые клятвы**», сели на коней и взяли город; зажгли его, пленили жителей* (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 3). Или же клятва приносится незаконно, о чём свидетельствует характеристика *беззаконная*.

Интересное речевое поведение клянущегося зафиксировано в словаре В. И. Даля, где упоминается *«отводная клятьба, облыжная, с задней думкой, с отводом от себя: Лопни глаза (бараньи)! Чтoб дня не пережить (собаке)! Отсохни рукав (вм. рука, скороговоркой)!»* [Даль, 1989, с. 655].

Тексты XX в. показывают резкое расширение лексического состава адъективов, сочетающихся с субстантивом *клятва*, – 60 лексем, при этом только 18 из них употреблены два и более раз, т. е. 70 % адъективов употреблены единожды. Частотность по-прежнему не однородна. Ядро составляют адъективы *страшная* (16), *торжественная* (15), так что ведущий признак клятвы остается прежним. Столь же частотным является *данная* (15), что объясняется распространённостью устойчивого сочетания *дать клятву*.

Следует сказать о высокой частотности притяжательного прилагательного *ганнибалова (аннибалова) клятва* (11). Адъектив отсылает к стилистически маркированному книжному фразеологизму *клятва Ганнибала (Аннибала)* со значением «твёрдая, принципиальная решимость бороться с кем-либо до победного конца» [Фёдоров, 2008, с. 299].

Очевидно, в текстах данного периода лидируют сочетания со значением торжественности, важности. Такая коннотация становится ведущей в оценке данного речевого события.

К данной ядерной семантической зоне близки значения ‘величие’ – *великая* (5), ‘святость’ – *святая, священная* (4), ‘мощь’ – *железная, могучая, сильная, роковая* и ‘крепость’ – *крепкая, твёрдая, нерушимая* (2), *неразрывная* (2), ‘непреклонность’ – *суровая, бесповоротная*.

Можно утверждать, что в текстах XX в. *клятва* была семантически нагружена значением «достигающий большой силы воздействия, степени проявления», подчеркивалась обязательность выполнения обещанного, невозможность разрушить или нарушить, что и закрепило основной семантический признак *клятвы* в отличие от *обещания, зарока, обета*.

Количество контекстов с характеристикой *ложная* – 8, т. е. адъектив находится в пятерке лидеров. Происходит это, очевидно, потому, что в сценарии клятвы есть уязвимое место – искренность говорящего: он либо сознательно говорит неправду и ложно берёт на себя обязательства, т. е. намеренно искажает действительность, либо оказался не в состоянии выполнить обещанное: *С одной стороны, мы видим преданность к религии, хотя бы и в условной форме, с другой же стороны, мы видим, как утаивались деньги, пожертвованные на монастыри, и произносилась ложная клятва тремя жемчужинами Учения* (Н. К. Рерих. Сердце Азии).

«По-видимому, вообще, наряду с основной шкалой признаков, упорядоченной от плохого к хорошему, существует независимая шкала, упорядоченная от фальшивого к истинному» [Успенский, 1979, с. 148]. И эту шкалу, заданную параметром *ложная*, продолжают адъективы со значением фальшивых клятв: *пустая, несостоятельная, непонятная, бессмысленная, безумная, внешняя, писанная на воде*: *Она пламенно клялась в верности своему мужу; но эти клятвы уже с первых дней разлуки оказались писанными на воде* (П. И. Ковалевский. Наполеон I и его гений).

Ранее уже говорилось о вынужденной клятве (нуженая, по В. И. Далю). В авторских текстах XX в. встречается *требуемая*.

Характеристика *разные (клятвы)* содержит указание на разнообразие содержания клятв.

Указание на адресанта содержат адъективы *юношеская* (3), *детская* (2), *напская* (2), *врачебная, мужицкая, большевицкая, боевая, армейская, морская*. Из этих характеристик можно понять род деятельности говорящего, возраст и частично содержание клятвы.

Адъективы *кровавая* и *мистическая* также содержат отсылку к содержанию клятвы: *Они присягнули, что будут резать, но не грабить. Кровавая клятва смерти была дана* (С. И. Гусев-Оренбургский. Багровая книга. Погромы 1919–20 гг. на Украине); *Каждый должен сам совершить личный и свободный акт соединения со Христом, Господом, Спасителем и Испытателем – через исповедание веры, через выбор любви, через мистическую клятву верности* (Протоиерей Георгий Флоровский. Воскресение жизни. 1927). Более эксплицитно содержание выражено адъективами *преданная* и *родовая*.

Указание на срок произнесения клятвы содержит адъектив *давняя* (2).

Два единичных адъектива называют место: обобщенно – *уличная* и с упоминанием астионима – *потсдамская*: *В то время как императоры, расположившись в шатре, уверяли друг друга, что они «братья» и что они братским усилием обеспечат благоденствие всего мира, другой друг Александра – Фридрих-Вильгельм, не приглашенный Наполеоном, с горечью вспоминал о потсдамской клятве*

на гробнице Фридриха Великого (Г. И. Чулков. Императоры: Психологические портреты).

То, что речевое действие, выраженное субстантивом *клятва*, предполагает двух участников, отражено адъективами *взаимная* (4) и *совместная*.

Кроме этого, у говорящего может быть *любимая* клятва: *Сдержал-таки свою любимую клятву «сломанными ребрами»: доктор говорил – три ребра сокрушили ему* (А. Т. Аверченко. Шутка мецената).

Произносительная сторона «клятвы», в формулировке В. И. Даля, охарактеризована как *страстная* (2), *жаркая* – лексемы осложнены эмоциональной коннотацией; *шумная*, *объявленная*.

Адъектив *крестная* указывает на прагматическое действие, сопровождающее иногда произнесение клятвы, – осенение себя крестным знаменем. Хотя данное невербальное действие отсылает к другому речевому жанру этого семантического поля – божбе.

Словоупотребление *особая клятва* отражает специальное назначение данного речевого акта, которым его наделил говорящий: *Объяснять их вам сейчас было бы совсем неуместно, не говоря о том, что особая клятва воспрещает мне касаться некоторых вопросов перед непосвящёнными* (В. Я. Брюсов. Огненный ангел).

Адъектив *шутливо-серьёзная* выражает отношение говорящего к произносимой им клятве: *В ту ночь, когда Света перебралась в палату волейболисток, и родилась шутливо-серьёзная клятва о том, как победить команду Электроника* (Е. Велтистов. Новые приключения Электроника).

Контексты современные, т. е. XXI в., количественно не расширили адъективную сочетаемость субстантива *клятва*. По данным Национального корпуса в текстах этого периода содержится до 40 разных адъективных лексем. Следует отдельно оговорить абсолютное лидерство устойчивого сочетания *клятва Гиппократа* (44) в текстах этого периода, к чему мы вернемся позднее.

Самыми частотными адъективами в контекстах XXI в. являются *страшная* (17) и *данная* (13), что свидетельствует об их ведущем положении, так как следующая сочетаемость – *святая* – имеет значительное отставание по частотности – 8 словоупотреблений. Частотным можно назвать адъектив *торжественная* (6).

Далее частотность распределяется следующим образом: *устная*, *мужская* (по 3), *искренняя*, *президентская*, *нерушимая*, *крепкая*, *историческая*, *бесконечная*, *соборная* (по 2). Таким образом, адъективы отразили следующие семантические свойства клятвы: принадлежность (*мужская*, *президентская*), фактура (*устная*), значимость (*историческая*), нерушимость (*нерушимая*, *крепкая*), содержание (*соборная* отсылает к историческому документу), подлинность чувств (*искренняя*), повторяемость (*бесконечная*). Как видим, наблюдается большое разнообразие отмеченных адъективами параметров.

Эту картину поддерживают и значительно расширяют прилагательные, которые встречаются лишь один раз и характеризуют: произнесение – *хриплая*, *выученная наизусть*, *пышная*; принадлежность – *воровская*, *олимпийская*, *масонская*; содержание и частично адресанта – *наивная*, *магическая*, *жестокая*, *грязная* и *циничная*; эмоциональность – *страстная*; фактуру – *письменная*, *непроизнесённая*; публичность – *прилюдная*; авторитет (значимость) – *почитаемая*, *главная*; убедительность – *тотальная*: **Тотальная** клятва в честности вообще произвела на публику гораздо большее впечатление, чем риторика президентской коман-

ды, которая все минувшие дни убеждает американцев, что экономике их страны ничего особенно не угрожает (Е. Бай. Присяга на честность. Известия. 2002.08.15).

Контекст показывает, что признак *личная* связан с доверием к клятве: *Только личная клятва Тани, что «большую мышь» близнецы уже уволокли обратно к её детям, в болото, заставила Алёнку спуститься вниз* (Е. Романова, Н. Романов. Дамы – козыри).

Интересное словоупотребление, в котором отражена метатекстовая помета – *вышецитированная*: *Единственное, о чем говорит конституция – это о необходимости принесения президентом вышецитированной клятвы* (В. Легойда. Религиозность в безрелигиозную эпоху. «Альфа и Омега», 2000).

Наконец, адъектив *традиционная* характеризует клятву как часть корпоративной этики, так как ему присуща обязательная валентность – для чего / кого: *Как и все другие выпускники Сен-Сира, при получении офицерского звания де Голль дал традиционную клятву, что он никогда не будет заниматься политикой* (В. Быков, О. Деркач. Книга века).

Как ранее было сказано, в контекстах этого периода сверхчастотным стало сочетание *клятва Гиппократа* (44), которое по своей структуре является несогласованным определением. Объяснить его популярность можно, очевидно, актуальностью темы, связанной с медициной, а точнее с морально-этической стороной врачебной практики: *Способность организма к самоизлечению не давала врачам возможность увидеть свои ошибки, а «клятва Гиппократа», обязывающая их не разглашать тайну болезни пациента, сделала медицину самой закрытой и неподконтрольной деятельностью* (С. Фейгельман. Законы природы и раневая инфекция. Наука и жизнь. 2007); *Клятва Гиппократа – вчерашний день, т. к. страна идёт по пути активно развивающегося капитализма – т. е. императивным в стране является лишь один закон – закон денег* (Андрей, nick. Форум: Хватит губить детей! 2011).

Однако данное устойчивое сочетание, будучи связанным с корпоративными правилами поведения, используется в текстах как синоним значения «то, чему нерушимо следуют» и подразумевает следование высоким принципам данной профессии: *Клятва Гиппократа сегодня распространяется и на театральное искусство* (Марк Захаров. Суперпрофессия. 2000); *В определенной мере, это была бы «клятва Гиппократа» для тех, кто хочет служить Родине и... кормиться из её бюджета, собранного усилиями всего народа* (С. Лопатников. Великое недоверие и общественный договор. Интернет-альманах «Лебедь», 2003.12.21); *У чиновников должна быть своя клятва Гиппократа* (К. Косачев. Известия. 2002.04.15). В текстах XIX в. это значение содержалось в идиоме *Аннибалова клятва*. Попробуем ответить на вопрос: почему одна идиома была заменена другой, причем значение второй характеризуется приращением смысла? Очевидно, есть несколько ответов, и первый – грамматический: «Суффикс -ов, -ев, производящий имена прилагательные от существительных мужского рода на твердый и мягкий согласный <...>, в книжных стилях литературного языка угасает. Он вытесняется родительным падежом имени существительного... Угасанию и во всяком случае ограничению притяжательных на -ов способствовало семантическое обособление прилагательных на -овый (ср. крокодилов и крокодиловый)» [Виноградов, 1972, с. 161]. Второй причиной стала, как нам кажется, повышенная цитируемость некоторых языковых единиц в медиапространстве XXI в. *Клятва Гиппократа* стала узнаваемым прецедентным высказыванием, которое воспроиз-

водят, иногда даже не придерживаясь правильного написания (см. пример выше – *клятва Гиппокрита*).

Подведем итоги.

Количественная динамика адъективных сочетаний показывает картину резкого расширения списка лексем в текстах XIX в. – около 45 единиц против 15 в XVIII в. В XX в. эта тенденция наиболее выражена – контексты содержат 57 разнообразных лексем. Контексты начала XXI в. содержат чуть менее 40 лексем. Будет ли XXI век изобиловать большим, чем предыдущий век разнообразием лексем, покажет время. Очевидным является то, что каждый период развития русского языка отмечен введением новых параметров для субстантива *клятва*.

Из 15 лексем, отраженных в текстах XVIII в., лишь треть использована два раза и более. В текстах этого периода представлены порой противоположные характеристики клятвы, что отражает многомерность прагматики жанра. Клятва из сферы сакрального перемещается в профанное пространство, в котором желания адресанта оказываются важнее соблюдения ритуала. Однако набор главных, ядерных характеристик клятвы – *святая*, *священная* – подчеркивает ее сакральность, сохраняет «память жанра». Такой входит клятва в язык художественных текстов.

В текстах XIX в. чуть меньше половины лексем употреблены однократно. Это говорит о расширении семантической базы клятвы за счет появления новой сочетаемости. Ведущая характеристика *данная* говорит о десакрализации жанра и закрепляет за клятвой «светскую» сферу использования. Другие атрибутивные распространители также подчеркивают, что клятва стала актом не священной, а гражданской жизни. При этом частотность адъективов *торжественная*, *страшная* высока, однако параметр *святая*, *священная* оказывается количественно уравновешен оценкой *ложная*. Если судить по количественному критерию, то значимыми семемами этого периода являются ‘нерушимость’, ‘исключительность’, ‘важность’.

Тексты XX в. отражают уже сложившуюся особенность лексической сочетаемости: половина адъективов употреблена в авторском контексте, т. е. только раз. Лидерами по частотности являются характеристики *страшная*, *торжественная* и *данная*. Семантика ведущих адъективов этого периода связана с крепостью, твердостью, тяжестью клятвы.

В текстах новейшего периода использовано почти в два раза больше индивидуальных, авторских характеристик – 25 лексем против 13. При этом частотность наблюдается у слов *страшная* и *данная*. Доминанта *данная* говорит о некоторой размытости образа клятвы. А эмотивный параметр *страшная*, вытеснивший из круга значимых *торжественную*, отсылает к практике разговорной речи называть этим словом всякое выделяющееся явление, ср. *страшная жара*, *страшный человек*, *страшная боль*.

Наблюдая на протяжении нескольких веков за ядерными характеристиками субстантива *клятва* и за их количественным выражением, можно заметить, что социально-культурные факторы повлияли на формирование социальной практики клятвы. Изменения происходили постепенно, исключая резкий скачок на рубеже XVIII–XIX вв.

Атрибутивная сочетаемость показывает, что в сценарии клятвы адъективы подчеркивают прежде всего сам речевой жанр, выделяют его отличительную особенность – торжественность, святость, нерушимость, крепость. Нашли свое выражение в адъективной сочетаемости оценки клятвы по шкале «правдивость –

фальшивостью»: значение 'правдивость' заключено в лексемах *святая, священная*, а фальшивость клятвы характеризуется лексемой *ложная*. При этом отрицательная оценка исчезает из контекстов XXI в. С помощью адъективов охарактеризованы следующие элементы сценария: произнесение, адресант и содержание клятвы, место, срок и количество участников.

Список литературы

- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic> (дата обращения 04.04.2019).
- Винорадов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. 614 с.
- Галлямова Н. Ш.* Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // *Язык и культура*. 2010. № 3 (11). С. 16–32.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1989. Т. 2. 779 с.
- Маслова А. Ю.* Семантико-прагматические особенности речевого акта клятвы в сопоставительном аспекте (на материале русского, сербского и болгарского языков) // *Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского*. 2011. № 6 (2). С. 414–417.
- Митронов И. А.* Концепт «клятва» в русских поговорках // *Изв. ВГПУ. Филологические науки*. 2017. № 8 (121). С. 126–129.
- Мостафави Г. Х., Касеми М.* Социологические подходы к рассмотрению речевого акта *клятва* в русской и персидской лингвокультурах // *Символ науки. Международный научный журнал*. 2017. № 12. С. 79–83.
- Санников С. В.* Клятва и присяга как перформативные акты «микрофизики» власти // *Universum: Филология и искусствознание: электрон. науч. журн*. 2017. № 10 (44). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171> (дата обращения 16.09.2018).
- Сиразиева З. Н.* Специфика и средства реализации прагматических функций речевого жанра «клятва» в русско- и англоязычном общении // *Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание*. 2015. № 4 (28). С. 41–46.
- Сперанская А. Н.* Далевский паремикон о речи // *Язык и социальная действительность*. 2011. № 2. С. 31–42.
- Успенский В. А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // *Семиотика и информатика*. 1979. № 11. С. 142–148.
- Фёдоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ. 2008. 828 с.
- Чесноков И. И.* Речевой акт «клятва»: эксплицитные перформативные высказывания // *Изв. ВГПУ. Филологические науки*. 2016. № 3. С. 110–113.
- Чесноков И. И., Чеснокова П.* Аксиологические параметры речевого акта «клятва» в русской и чешской лингвокультурах // *Изв. ВГПУ. Филологические науки*. 2017. № 6. С. 110–115.

References

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Large explanatory dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsov (Ed.). St. Petersburg, Norint, 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/dis> (accessed: 04.04.2019).

Chesnokov I. I., Chesnokova P. Aksiologicheskie parametry rechevogo akta “klyatva” v russkoy i cheshskoy lingvokul’turakh [Axiological parameters of the speech act “oath” in Russian and Czech cultures]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*. 2017, no. 6, pp. 110–115.

Chesnokov I. I. Rechevoy akt “klyatva”: eksplitsitnyye performativnyye vyskazyvaniyavaniya [Speech act “oath”: explicit performative statements]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*. 2016, no. 3, pp. 110–113.

Dal’ V. I. *Tolkovyy slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living great Russian language: In 4 vols]. Moscow, Rus. yaz., 1989, vol. 2, 779 p.

Fedorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar’ russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel’, AST, 2008, 828 p.

Gallyamova N. Sh. Rechevoy akt “obeshchanie, klyatva” v russkoy yazykovoy kartine mira: lingvokul’turologicheskiy, funktsional’no-pragmaticheskiy aspekty [Speech act “promise, oath” in the Russian language picture of the world: linguoculturological, functional and pragmatic aspects]. *Language and culture*. 2010, no. 3 (11), pp. 16–32.

Maslova A. Yu. Semantiko-pragmaticheskie osobennosti rechevogo akta klyatvy v sopostavitel’nom aspekte (na materiale russkogo, serbskogo i bolgarskogo yazykov) [Semantic and pragmatic features of the speech act of the oath in the comparative aspect (by the material of Russian, Serbian and Bulgarian languages)]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2011, no. 6 (2), pp. 414–417.

Mitronov I. A. Kontsept “klyatva” v russkikh paremiyakh [The concept of “oath” in Russian Proverbs]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*. 2017, no. 8 (121), pp. 126–129.

Mostafavi G. Kh., Kasemi M. Sotsiologicheskie podkhody k rassmotreniyu rechevogo akta klyatva v russkoy i persidskoy lingvokul’turakh [Sociological approaches to the consideration of the speech act of the oath in Russian and Persian cultures]. *Simvol nauki. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*. 2017, no. 12, pp. 79–83.

Sannikov S. V. Klyatva i prisyaga kak performativnyye akty “mikrofiziki” vlastivlasti [Oath and swear as performative acts of “microphysics” of power]. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie: elektron. nauch. zhurn.* 2017, no. 10 (44). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171> (accessed: 16.09.2018).

Sirazieva Z. N. Spetsifika i sredstva realizatsii pragmaticheskikh funktsiy rechevogo zhanra “klyatva” v russko- i angloyazychnom obshchenii [Specificity and means of realization of pragmatic functions of the speech genre “oath” in Russian and English communication]. *Science Journal of VolSU. Linguistics*. 2015, no. 4 (28), pp. 41–46.

Speranskaya A. N. Dalevskiy paremikon o rechi [Paremia about speech in the collection of Vladimir Dal]. *Yazyk i sotsial’naya deystvitel’nost’*. 2011, no. 2, pp. 31–42.

Uspenskiy V. A. O veshchnykh konnotatsiyakh abstraktnykh sushchestvitel’nykh [On object connotations of abstract nouns]. *Semiotika i informatika*. 1979, no. 11, pp. 142–148.

Vinoradov V. V. *Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical teaching about the word)]. Moscow, 1972, 614 p.

Информация об авторах

Алевтина Николаевна Сперанская, кандидат филологических наук, доцент
Анастасия Денисовна Баранчикова, магистр фундаментальной и прикладной лингвистики

Information about the authors

Alevtina N. Speranskaya, Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor
Anastasiia D. Baranchikova, Master of Fundamental and Applied Linguistics

*Статья поступила в редакцию 10.05.2021;
одобрена после рецензирования 12.06.2022; принята к публикации 12.06.2022
The article was submitted 10.05.2021;
approved after reviewing 12.06.2022; accepted for publication 12.06.2022*